

П.С. Пороховщиков

Искусство речи на суде

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
П11

П11 **П.С. Пороховщиков**
Искусство речи на суде / П.С. Пороховщиков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 390 с.

ISBN 978-5-458-17104-5

Главная задача книги — это исследование судебного говорения и установление его методов. Книга адресована студентам юридических вузов, а также прокурорам и адвокатам.

Оригинальное репринтное издание 1910 года.

ISBN 978-5-458-17104-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

О слогѣ.

Чтобы быть настоящим обвинителемъ или защитникомъ на судѣ, надо уметь говорить; мы не умѣемъ и не учимся, а разучиваемся; въ школьные годы мы говоримъ и пишемъ правильнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Доказательства этого изобилуютъ въ любомъ изъ видовъ современной русской рѣчи: въ обыкновенномъ разговорѣ, въ изящной словесности, въ печати, въ политическихъ рѣчахъ. Наши отцы и дѣды говорили чистымъ русскимъ языкомъ, безъ грубостей и безъ ненужной изысканности; въ наше время, въ такъ называемомъ обществѣ, среди людей, получившихъ высшее образованіе, точнѣе сказать, высшій дипломъ, читающихъ толстые журналы, знакомыхъ съ древними и новыми языками, мы слышимъ такія выраженія, какъ: *позавчера*, *ни къ чему*, *ни по чему*, *тринадцать душъ гостей*, *померъ* вмѣсто умеръ, *вытисалъ*, вмѣсто пилъ, *занять* пріятелю деньги; мнѣ приходилось слышать: *заманулъ* и *обманилъ*.

На ряду съ этими грубыми орфографическими ошибками разговоръ бываетъ засоренъ ненужными вводными предложениями и бессмысленными междометіями. Будьте внимательны къ своимъ собесѣдникамъ, и вы убѣдитесь, что они не могутъ обойтись безъ этого. У одного только и слышно: такъ сказать, какъ бы сказать, какъ говорится, въ нѣкоторомъ родѣ, все-жъ таки; это послѣднее слово, само по себѣ далеко не благозвучное, произносится съ какимъ-то змѣинымъ пош-

помъ; другой поминутно произноситъ: *ну*; это слово — маленький протей: *ну, ну — ну, ну — те, ну — те-сь, ну-ну-ну*; третій между каждыми двумя предложениями восклицаетъ: да! — хотя его никто ни о чемъ не спрашиваетъ и риторическихъ вопросовъ онъ себѣ не задаетъ. Окончивъ бесѣду, эти русскіе люди садятся за работу и пишутъ: я жалуюсь на нанесеніе мнѣ *побой*, — онъ ничего не помнитъ, что съ нимъ произошло, — дерево было *треснуто*, — всѣ *положились* спать. Это — отрывки изъ слѣдственныхъ актовъ. Въ постановленіи одного столичнаго мирового судьи я нашелъ указаніе на обвиненіе нѣкоего Чернышева „въ кражѣ торговыхъ правъ, выданныхъ губернаторомъ на право торговли“. Впрочемъ, мировые судьи завалены работой; имъ некогда заниматься стилистикой. Заглянемъ въ недавніе законодательные матеріалы; мы найдемъ слѣдующія примѣчательныя строки:

„Между преступными по службѣ дѣяніями и служебными провинностями усматривается существенное различіе, обусловливаемое тѣмъ, что дисциплинарная отвѣтственность служащихъ есть послѣдствіе самостоятельнаго, независимо отъ преступности или непроступности даннаго дѣянія, нарушенія особыхъ, вытекающихъ изъ служебно-подчиненныхъ отношеній обязанностей, въ которыхъ принадлежитъ также соблюденіе достоинства власти во внѣ-служебной дѣятельности служащихъ“.

Въ этомъ отрывкѣ встрѣчается только одно не русское слово; тѣмъ не менѣе, это настоящая китайская грамота. Необходимо крайнее напряженіе вниманія и разсудка, чтобы уразумѣть мысль писавшаго. Въ русскомъ переводѣ это можно изложить такъ: служебныя провинности, въ отличіе отъ служебныхъ преступленій, заключаются въ нарушеніи обязанностей служебной подчиненности или несоблюденіи достоинства власти внѣ службы; за эти провинности устанавливается дисциплинарная отвѣтственность. Въ подлинникѣ 47 словъ, въ переложеніи — 26, т. е. почти вдвое меньше. Не знаю, есть ли

преимущества въ подлинникѣ, но въ немъ несомнѣнно есть ошибка, замаскированная многословіемъ. По прямому смыслу этихъ строкъ различіе между должностнымъ преступленіемъ и проступкомъ заключается не въ свойствѣ дѣянія, а въ порядкѣ преслѣдованія; это все равно, что сказать: убійство отличается отъ обиды тѣмъ, что въ одномъ случаѣ обвиняетъ прокуроръ, а въ другомъ частное лицо. Писавпій, конечно, хотѣлъ сказать не это, а нѣчто другое. Нѣсколькими строками ниже читаемъ: „*проявленіе неспособности или неблагонадѣянности можетъ возбудить вопросъ о прекращеніи отношеній служебной подчиненности*“. Здѣсь отвлеченному понятію *проявленіе* приписывается способность къ разсудочной дѣятельности.

Примѣромъ законченнаго законодательнаго творчества можетъ служить ст. 531 уголовного уложенія: „*Виновный въ опозореніи разглашеніемъ хотя бы въ отсутствіе опозореннаго, обстоятельства, его позорящаго, за сіе оскорбленіе наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ*“.

Въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ честь Льва Толстого ученый изслѣдователь литературы говоритъ, что предполагаетъ „*коснуться творчества великаго писателя со стороны лишь нѣкоторыхъ, такъ сказать, его сторонъ*“. Чтобы пояснить свои основныя воззрѣнія и быть вполне понятнымъ для аудиторіи, онъ высказываетъ нѣсколько разсужденій о человѣческомъ познаніи и между прочимъ объясняетъ, что „*раціональное мышленіе нераціоналистично*“, и что „*будущее будетъ очень психологично*“. Самая задача, поставленная себѣ ораторомъ относительно Толстого, заключается въ томъ, чтобы „заглянуть, если можно такъ выразиться, въ его нутро“. Въ томъ то и дѣло, что такъ нельзя выразаться.

Черезъ мѣсяць или два, 22 Марта 1909 г., въ томъ же высокомъ учрежденіи тотъ же знатокъ родной словесности говорилъ: „*особая, исключительная, великая гениальность Гоголя*“. Это втрое хуже, чѣмъ сказать: всегдашній завсегдаты.

Слышали вы, что существуетъ обыкновенная, заурядная, мелкая гениальность?

Въ статьѣ проф. Н. Д. Сергѣевского „Къ учению о религиозныхъ преступленіяхъ“ (Журн. Мин. Юст., 1906 г., № 4) встрѣчаются слѣдующія выраженія: „тяжесть наказанія этого преступленія можетъ быть не *высока*“, — „еврейская и христіанская религіи признають сверхъ-чувственного Бога, въ существѣ своемъ стоящаго превыше всякихъ человѣкоуподобительныхъ персонификацій“, — „религиозныя убѣжденія служатъ почвою образованія ряда особыхъ преступныхъ дѣяній, *окрашенныхъ религиознымъ моментомъ*.“

Это писалъ поклонникъ чистой русской народности! И чѣмъ больше мы будемъ искать, тѣмъ больше найдемъ такихъ при-
мѣровъ.

Но гдѣ же причина постыднаго упадка богатаго языка? Отвѣтъ всегда готовъ: виноваты школа, классическая система, неумѣлое преподаваніе.

Пушкинъ ли не былъ воспитанъ на классикахъ? Гдѣ учились И. О. Горбуновъ или Максимъ Горькій?

Скажутъ, виноваты газеты, виновата литература: писатели, критики; если такъ пишутъ творцы слога и ихъ присяжные цѣнители, мудрено ли, что тѣ, кто читаетъ ихъ, разучились и писать, и говорить? Съ такимъ же правомъ можно спросить: какъ не стать воромъ судѣ, который каждый день судить воровъ? или: какъ не побѣдить тому, кого побѣждаютъ враги?

Нѣтъ, виноваты не только школа и литература, виноватъ каждый грамотный человѣкъ, позволяющій себѣ невниманіе къ своей разговорной и письменной рѣчи. У насъ ли нѣтъ образцовъ? Но мы не хотимъ ихъ знать и помнить. Тургеневъ приводитъ слова Мериме: у Пушкина поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ-бы сама собою изъ самой трезвой прозы. Удивительно вѣрное замѣчаніе, — и дѣлаетъ его иностранецъ. Перепишите стихи пушкинскихъ элегій, не раздѣляя ихъ на риемованныя строки, и учитесь по этой прозѣ.

Такихъ стиховъ никто никогда не напишетъ, но такую же хрустальной прозой обязаны писать всѣ образованные люди. Этого требуетъ уваженіе къ своему народу, къ окружающимъ и къ себѣ. А безупречный слогъ въ письмѣ приучаетъ къ чистой разговорной рѣчи.

Чистота слога.

Въ чемъ заключается ближайшая, непосредственная цѣль всякой судебной рѣчи?— Въ томъ, чтобы ее поняли тѣ, въ кому она обращена. Поэтому можно сказать, что ясность есть первое необходимое условіе хорошаго слога; Эпикуръ училъ: *μηδεν ἄλλο ἢ σαφηνεῖαν ἄσκειν*, — не ищите ничего, кромѣ ясности. Аристотель говоритъ: *ῥησιῶν λεγέας ἀρετὴ, σαφὴ εἶναι σημειῶν γάρ, ὅτι ὁ λόγος ἔαν μὴ ὀηλοι, οὐ ποιήσει τοῦ αὐτοῦ ἔργον*. Ясность — главное достоинство рѣчи, ибо очевидно, что неясныя слова не дѣлаютъ своего дѣла.

Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно такъ, какъ понимаетъ онъ. Бываетъ, что ораторъ почему либо находитъ нужнымъ высказаться неопредѣленно по тому или иному поводу; но ясность слога необходима въ этомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, чтобы сохранить именно ту степень освѣщенія предмета, которая нужна говорящему; иначе слушатели могутъ понять больше или меньше того, что онъ хотѣлъ сказать. Красота и живость рѣчи умѣстны не всегда; можно ли щеголять изяществомъ слога, говоря о результатахъ медицинскаго изслѣдованія мертваго тѣла, или блистать красивыми выраженіями, передавая содержаніе гражданской сдѣлки? Но быть не вполне понятнымъ въ такихъ случаяхъ значитъ гсворить на воздухъ.

Но мало сказать: нужна ясная рѣчь; на судѣ нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать *безъ усилій*. Ораторъ можетъ рассчитывать на ихъ

воображеніе, но не на ихъ умъ и проникательность. Появъ его, они пойдутъ дальше; но появъ не исполнѣ, попадутъ въ тупики или забредутъ въ сторону. „Нельзя рассчитывать на непрерывно чуткое вниманіе судьи, говоритъ Квинтиліанъ; нельзя надѣяться, что онъ собственными силами разсѣтъ туманъ рѣчи, внесетъ свѣтъ своего разума въ ея темноту; напротивъ того, оратору часто приходится отвлекать его отъ множества постороннихъ мыслей; для этого рѣчь должна быть настолько ясной, чтобы проникать ему въ душу помимо его воли, какъ солнце въ глаза.“ Quare non ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intelligere, curandum: не такъ говорите, чтобы могъ понять, а такъ, что бы не могъ не понять васъ судья.

На пути къ такому совершенству стоятъ два виѣшнихъ условія: чистота и точность слога, и два внутреннихъ: знаніе предмета и знаніе языка.

Точность, опрятность, говорилъ Пушкинъ, вотъ первая достоинства прозы; она требуетъ мыслей и мыслей. Изыщество, красота слога есть роскошь, дозволительная для тѣхъ, у кого она является сама собою; но въ отношеніи чистоты своей рѣчи ораторъ долженъ быть неумолимъ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что въ рѣчахъ большинства нашихъ обвинителей и защитниковъ больше сору, чѣмъ мыслей; о точности выраженій они совсѣмъ не заботятся; скорѣе, щеголяютъ ихъ неряшливостью.

Первый недостатокъ ихъ — это постоянное злоупотребленіе иностранными словами. Изрѣдка раздаются жалобы и увѣщанія бороться съ этимъ, но ихъ никто не слушаетъ. Огромное большинство этихъ незванныхъ гостей совсѣмъ не нужны намъ, потому что есть русскія слова того же значенія, простыя и точныя: *фигтивный* — вымышленный, мнимый, *инициаторъ* — зачинщикъ, *инспирировать* — внушать, *доминирующий* — преобладающій, господствующій, *симуляція* — притворство и т. д. Мы слышимъ: *травма*, *прекарность*, *базировать*,

варьировать, интеллигенція, интеллигентность, интеллигентный, интеллигент. Одно или два из этих четырех последних слов вошли въ общее употребленіе съ определеннымъ смысломъ и намъ, къ сожалѣнію, уже не отдѣлаться отъ нихъ; но зачѣмъ поощрять вторженіе другихъ? Въ теченіе немногихъ послѣднихъ мѣсяцевъ въ петербургскомъ судѣ вошло въ обычай вмѣсто: преступленіе наказуется, карается, говорить: преступленіе таксировается. Не знаю почему; мы не торгуемъ правосудіемъ.

Во многихъ случаяхъ для извѣстнаго понятія у насъ, вмѣсто одного иностраннаго, есть нѣсколько русскихъ словъ, и тѣмъ не менѣе всѣ они вытѣсняются изъ употребленія неуклюжими галлицизмами. Мы встрѣчаемъ людей, которые по непонятной причинѣ избѣгаютъ говорить и писать слова: недостатокъ, пробѣлъ, упущеніе, исправленіе, поправка, дополненіе; они говорятъ: надо внести *коррективъ* въ этотъ *дефектъ*; вмѣсто словъ: разслѣдованіе, опросъ, дознаніе, имъ почему-то кажется лучше сказать: *анкета*, вмѣсто наука — *дисциплина*, вмѣсто: связь, измѣна, прелюбодѣяніе — *адюльтеръ*. Хуже всего то, что эти безобразныя иностранныя слова пріобрѣтаютъ понемногу въ нашемъ представленіи какое-то преимущество передъ чистыми русскими словами: *детальный анализъ и систематическая группировка матеріала* кажутся болѣе цѣнной работой, чѣмъ подробный разборъ и научное изложеніе предмета.

Можно ли говорить, что „прежняя судимость есть характеристика, такъ сказать, *досье* подсудимаго“? — Можно ли говорить: „*абзацъ* рѣчи“, — „письменное заявленіе *адекватно* являѣ“, — „приговоръ *аннулированъ*“, и т. п.? Существуютъ два глагола, которые ежедневно повторяются въ судебныхъ залахъ; это *мотивировать* и *фигурировать*. Намъ заявляютъ съ трибуны, что въ письмахъ фигурировалъ ядъ, или что мѣщанка Авдотья Далашкина мотивировала ревностью пощечину, данную ею Дарьѣ Захрапкиной. Я слыхалъ, какъ бле-

стоящій обвинитель, говоря о нравственныхъ послѣдствіяхъ растлѣнія дѣвушки, сказалъ: „въ ея жизни *всталъ* извѣстный *ингредиентъ*“.

Въ современномъ языкѣ, преимущественно газетномъ, встрѣчаются ходячія иностранныя слова, которыя дѣйствительно трудно замѣнить русскими, — напр.: абсентеизмъ, лояльность, скомпрометтировать. Но, конечно, въ тысячу разъ лучше передать мысль въ описательныхъ выраженіяхъ, чѣмъ мириться съ этими нестерпимыми для русскаго уха созвучіями. Зачѣмъ говорить: *инсинуація*, когда можно сказать: недостойный, оскорбительный, или трусливый намекъ?

Не только въ уѣздахъ, но и среди нашихъ городскихъ присяжныхъ большинство не знакомо съ иностранными языками. Я хотѣлъ бы знать, что отражается у нихъ въ мозгу, когда прокуроръ объясняетъ имъ, что подробности событія *инсценированы* подсудимымъ, а защитникъ, чтобы не остаться въ долгу, возражаетъ, что преступленіе *инсценизировалъ* прокуроръ. Кто повѣритъ, что на уѣздныхъ сессіяхъ, передъ мужиками и лавочниками, раздается слово *alibi*?

Иностранныя фразы въ судебной рѣчи — такой же соръ, какъ иностранныя слова. *Aquae et ignis interdictio*, — *amicus Plato, sed magis amica veritas*, — и неизбѣжное: *cherchez la femme*, — къ чему все это? Вы говорите передъ русскимъ судомъ, а не передъ римлянами или западными европейцами. Щеголяйте французскими поговорками и латинскими цитатами въ вашихъ книгахъ, въ ученыхъ собраніяхъ, передъ свѣтскими женщинами, но въ судѣ — ни единого слова на чужомъ языкѣ.

Другой обычный недостатокъ нашихъ судебныхъ рѣчей составляютъ ненужныя вставныя слова. Одинъ изъ нашихъ обвинителей имѣетъ привычку къ паузамъ; въ этомъ еще нѣтъ недостатка; но въ каждую остановку онъ вставляетъ слово: „хорошо.“ Это очень плохо. Молодой шорникъ обвинялся по 1 ч. 1455 ст. улож.; въ короткой и дѣловитой рѣчи

товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія въ умышленномъ убійствѣ и поддерживалъ обвиненіе по 2 ч. 1455 ст., указавъ присяжнымъ на возможность признать убійство въ дракѣ. Но въ рѣчи были три паузы, — и присяжные три раза слышали: „хорошо“! Невольно думалось: чловѣка убили; что тутъ хорошаго? Другой обвинитель ежеминутно повторяетъ: „такъ сказать“. Отличительная черта этого оратора — ясность мышленія и смѣлая точность, иной разъ даже грубость языка; а онъ кается въ неумѣннн опредѣленно выражаться.

Если ораторъ знаетъ, что выражаемая имъ мысль должна показаться справедливой, онъ можетъ съ нѣкоторымъ лицемѣріемъ начать словами: я не увѣренъ, не кажется ли вамъ, и т. п. Это хорошій риторическій пріемъ. Нельзя возражать и противъ такихъ оборотовъ, какъ: нѣтъ сомнѣнія, намъ всѣмъ ясно, и пр., если только не злоупотреблять ими; въ нихъ есть доля невиннаго внушенія. Но если говорящій самъ считаетъ свой выводъ не совсѣмъ твердымъ, вступительныя слова вродѣ: мнѣ кажется, мнѣ думается, могутъ только повредить ему. Когда обвинитель или защитникъ заявляетъ присяжнымъ: „Я не знаю, какое впечатлѣніе произвело на васъ заключеніе эксперта, но вы вѣроятно признаете, и т. д.“; хочется сказать: не знаешь, такъ и не говори.

Многіе наши ораторы, закончивъ опредѣленный періодъ, не могутъ перейти къ слѣдующему иначе, какъ томительными, невыносимыми словами: *и вотъ*. Прислушайтесь къ созвучію гласныхъ въ этомъ выраженіи, читатель. И это глупое выраженіе повторяется почти въ каждомъ процессѣ съ обѣихъ сторонъ: „И вотъ, поддѣльный документъ пускается въ обращеніе...“ — „И вотъ, у слѣдственной власти возникаетъ подозрѣніе...“ и т. д.

Неправильное удареніе такъ же оскорбительно для слуха, какъ неупотребительное или искаженное слово. У насъ говорятъ: возбѣдилъ, перевѣденъ, алкоголь, астрономъ, злоба,

деньгами, уменьшать, ходатайствовать, приго́воръ вмѣсто приговора́. Произнесение этого послѣдняго слова подчиняется какому то непонятному закону: образованные люди въ обществѣ, воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній и члены сидячей магистратуры произносятъ: приговора́; такъ же говорятъ подсудимые, т. е. необразованные люди, знающіе звуковые законы языка по чутью; чины прокуратуры, присяжные повѣренные и ихъ помощники, секретари судебныхъ мѣстъ и кандидаты на судебныя должности произносятъ: приговора́; я спросилъ трехъ воспитанниковъ изъ старшихъ классовъ реального училища, и каждый порознь сказалъ: приговора́. Различіе это тѣмъ, менѣе понятно, что никакихъ сомнѣній о правильномъ произношеніи этого слова нѣтъ. ¹⁾ Не буду повторять сказаннаго въ началѣ о грамматическихъ ошибкахъ; скажу только, что на судѣ онѣ встрѣчаются чаще, чѣмъ въ литературѣ и въ разговорномъ языкѣ.

О точности слога.

Странно, казалось бы, упоминать о значеніи точности въ юридическомъ спорѣ. Но заботятся ли о ней у насъ на судѣ? Нѣтъ. Неряшливость рѣчи доходить до того, что образован-

Тебя я сонну застаю
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ
Когда готовъ отцу топоръ...

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слышалъ.

А наши старички, какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ; что слово-приговоръ.